

С. ТРЕГУБ

ЯСНОСТИ РАДИ

Каков характер поэтического развития Владимира Маяковского, характер его творческого пути? Этот вопрос все еще продолжает находиться в центре различных дискуссий, статей, книг, посвященных Маяковскому. Куда и к чему он шел, — известно. Но откуда и как, — вот что тревожит некоторых критиков.

В годы жизни поэта и в первые годы после его смерти во многих критических статьях по Маяковскому было «темное футуристическое прошлое», затем он стал «попутчиком революции», приближался к пролетариату, но, раздираемый так называемыми внутренними противоречиями, пережитками «анархизма» и «индивидуализма», не дошел до пролетариата... Автор недавно вышедшей книги «Семинарий по Маяковскому» Е. Наумов справедливо заметил, что ни в одной из работ до конца 1935 года, т. е. до известного высказывания товарища Сталина о Маяковском, нет правильного осмысления творческого пути Маяковского.

Мы не вспомнили бы обо всем этом, если бы сейчас, спустя двадцать лет после смерти лучшего и талантливейшего поэта нашей советской эпохи, не сталкивались с рецидивами все той же точки зрения на Маяковского. Существует определенная зависимость (и ее нетрудно заметить) между тем, что проповедывалось рядом критиков в 1930 году, и тем, что провозглашается в некоторых статьях, напечатанных в 1949—1950 годах.

А между тем старую и неверную концепцию пути развития Маяковского нельзя ни приспособлять, ни усовершенствовать. Чтобы наша критика могла двигаться вперед и правильно представить себе движение Маяковского, нужно, наоборот, разбить эту концепцию, как ложную.

В сентябре прошлого года в «Литературной газете» помещена статья Ан. Тарасенкова «Учитесь у Маяковского!» — статья во многом правильная и ценная. Но там же он отнес к... «эпохе футуризма» книгу «Все сочиненное Владимиром Маяковским», изданную в 1919 году. Критик привел выдержку из предисловия Маяковского к этой книге: «Оставляя написанное школам, ухожу от сделанного и, только перешагнув через себя, выпущу новую книгу», — и... навед теню на ясный день.

Из слов Маяковского явствует, что он оставляет написанное школам, т. е. говорит: «учитесь у сделанного, а я пойду дальше». Слова «перешагнув через себя» также имеют весьма определенный и точный смысл: «не буду повторять себя, не буду пользоваться уже найденным, открытым мною». Верный своему новаторскому принципу, Маяковский считал возможным выпустить новую книгу, лишь «перешагнув через себя», т. е. через уже достигнутое.

Ан. Тарасенков же истолковывает слова Маяковского по-своему: Маяковский, видите ли, отказывался от тех произведений, которые включены в книгу «Все сочиненное Владимиром Маяковским» и которые грудуно отнесены Ан. Тарасенковым к «эпохе футуризма».

Другой пример.

В четвертом — апрельском — номере журнала «Знания» за 1950 год появилась статья В. Новикова «Поэт великой эпохи». Автор этой статьи усмотрел опасность в том, что «в работах, посвященных раннему творчеству Маяковского, исследователи зачастую преувеличивают революционность мировоззрения поэта настолько, что Маяковский оказывается поэтом-революционером чуть ли не с первых своих произведений».

По мнению В. Новикова, Маяковский стал поэтом-революционером только со времени Великой Октябрьской социалистической революции.

«Не сразу глубоко осмыслил Маяковский историческое значение революции и не сразу увидел в ней созидательное начало», — пишет В. Новиков.

И в доказательство приводятся две (буквально две!) строчки (и то неверно поняты) из стихотворения «Ода революции», написанного в 1918 году — в первую годовщину Октября.

Каков смысл стихотворения?

Поэт говорит в нем о двух сторонах революции: разрушительной и созидательной. Обыватели видели только разрушительную силу революции, пугались ее и проклинали. Маяковский видел великую разрушительную силу революции, безжалостно уничтожающей старое, реакционное, и видел ее великую созидательную силу.

Заканчивается «Ода революции» знаменательными словами:

Тебе обывательское
— о, будь ты проклята трижды! —
и мое,
поэтов
— о, четырежды славься,
благословенная!

Здесь все яснее ясного. Как же можно путать «обывательское» с «поэтовым»?

Чем больше углубляешься в статью В. Новикова, тем яснее определяется его позиция.

«Во второй половине 20-х годов, — пишет критик, — в советской литературе не было более гневного врага аподитичности, не было более страстного борца за идейность искусства, чем Маяковский».

А разве в первой половине 20-х годов, спросим мы В. Новикова, Маяковский не был гневным врагом аподитичности, не был страстным борцом за идейность искусства?

Можно ли забыть, что еще в 1916 году, Маяковский гневно обрушился на «братьев писателей», прислуживавших буржуазии:

Господа поэты,
неужели не наскучили
пажи,
дворцы,
любовь,
сирени куст вам?
Если
такие, как вы,
творцы —
мне наплевать на всякое искусство.

«Творчество Маяковского второй половины 20-х годов, — настаивает

на своем В. Новиков, — свидетельствует, что вся деятельность поэта этого периода, приведшая к созданию образов социалистической поэзии...»

И дальше:

«Главная тема, которая проходит через все произведения Маяковского последних лет его творчества, — пишет В. Новиков, — это тема социалистического преобразования».

Не очевидно ли, что под словами «последних лет» скрывается та же вторая половина 20-х годов? Оставаясь верным себе, В. Новиков заключает:

«Все творчество Маяковского последних лет (подчеркнуто всюду нами. — С. Т.) говорит о партийности позиции поэта».

Если согласиться с В. Новиковым, выходит, что только в эти годы Маяковский стал на партийные позиции и создал образцы социалистической поэзии.

Третий пример.

В четвертом номере «Нового мира» (тоже за 1950 г.) напечатаны «Заметки о поэтике Маяковского» Е. Усевич. Автор правильно подчеркивает, что «поэтическая судьба Маяковского так же насыщена политическим содержанием, как и его жизнь», и высказывает ряд ценных замечаний о поэте.

Однако в той же статье мы находим и нечто другое, перекликающееся с тем, что утверждают Ан. Тарасенков и В. Новиков.

Во всем, что создано Маяковским, критик видит мучительную борьбу внутренних противоречий. Он произвольно делит творчество Маяковского на несколько «моментов». Причем характерно, что единственным произведением «третьего момента» оказывается «Во весь голос». Е. Усевич находит, что с каждым новым «моментом» Маяковскому приходилось многое отбрасывать, как «ложное и устарелое». Получается, что только «Во весь голос» («третий момент») является подлинным достижением «в росте его художественного реализма». А вот «Хорошо!» отнесено ко «второму моменту».

Такое понимание творческого пути Маяковского, несомненно, принижает образ поэта и размах его творчества, превращает автора многих полноценных произведений в автора множества не до конца полноценных произведений и лишь одного абсолютно полноценного, написанного Маяковским «к концу своей деятельности». Критик акцентирует не на достоинствах каждого из произведений, не на положительной идейно-художественной основе, которая являлась базой для дальнейшего роста, а на отрицательном, на том, что «приходилось отбрасывать».

Е. Усевич старается убедить читателя в том, что Маяковский не был якобы «поэтом универсальным», не был «поэтом всеобъемлющим». Между тем, думается, куда важнее в соответствии с истиной показать универсальную широту Маяковского, раскрыть всеобъемлющую силу его поэтического дара.

В самом стиле письма Е. Усевич чувствуется половинчатость мышления.

Почему о Маяковском нужно писать так: «За каждую творческую неудачу он чувствовал ответственность, как за плохо выполненное партийное поручение». Рель можно было ту же мысль выразить опять же не с отрицательным знаком, а с положительным: «После каждой творческой удаче он чувствовал радость, как за хорошо выполненное поручение». Здесь дело, видимо, не в неуклюжести выражения. И наше замечание — не формальная придирка. Дело, видимо, в самом подходе к теме.

Был ли Маяковский до Октября революционным поэтом? От правильного ответа на этот вопрос зависит многое в дальнейшем ходе рассуждений о характере творческого пути Маяковского, линии его развития. Мы отвечаем: да, Маяковский до революции был поэтом революционным. Его стихи были направлены против капиталистического строя, возбуждали ненависть к господствующему классу, звали к борьбе, провозглашали грядущую революцию. В этом и заключался пафос дореволюционных произведений Маяковского. Понятие «революционный» не есть нечто неподвижное, раз навсегда данное. Оно существует во времени и в обстановке.

Нужно уметь отличить в дореволюционном творчестве Маяковского главное от второстепенного, основное, решающее от случайного, преходящего.

Еще в 1915 году в статье «О разных Маяковских» он, издеваясь над кличками, которыми его пятнала буржуазная печать, обращался к читателям:

«Подумайте, если не устает непонимаемый и непринятый вытаскивать и вытаскивать строчки, — то не потому ли только, что знает: ножами будут они в ваших руках...»

Пусть подумают над этим и те, кто сегодня отказывает дореволюционному Маяковскому в революционности, кто намерен свести «все сто томов» его «партийных книжек» лишь к произведениям «второй половины 20-х годов», т. е. последних годов жизни.

На какой конкретности покоится «периодизация», подобная той, какую устанавливает В. Новиков?

Поэма «Хорошо!» написана Маяковским во второй половине 20-х годов. «Во весь голос» — в последний год жизни. Но вот многие стихи «американского цикла» датированы 1925 годом, т. е. серединой 20-х годов. Поэма «Владимир Ильич Ленин», которая является выдающимся произведением социалистического реализма, создана в 1924 году, т. е. в первой половине 20-х годов. Тогда же написано «Юбилейное». Годом раньше — потрясающее «Мы не верим», «Молодая гвардия».

Это не во второй половине 20-х годов, а еще в 1922 году опубликовано сатирическое стихотворение Маяковского «Прозаседавшиеся», которое высоко оценил В. И. Ленин. В том же 1922 году «Известия» напечатали глубоко патристическое стихотворение Маяковского «Моя речь на Генуэзской конференции» и «Сволочи». В еще более ранние годы созданы такие произведения, как «Приказ № 2 армии искусств» и «Стихотворение о Маяковской, о бабе и о всероссийском масштабе» (1921 г.); «Владимир Ильич» и «Печальное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (1920 г.);

«Потрясающие факты», «Мы плем», «Окна сатиры Роста» (1919 г.); «Левый марш», «Поэт-рабочий», «Ода революции» (1918 г.) и, наконец, «Б. ответу», «Сказка о Красной Шапочке», «Интернациональная басня», «Революция» (1917 г.).

Совершенно очевидно, что эти произведения великого поэта, написанные им в во второй половине 20-х годов, не в последние годы жизни, входят в сокровищницу советской поэзии, как ее совершеннейшие и ценнейшие образцы.

Периодизация, критикуемая нами, построена на песке!

Прав грузинский критик Бесо Жгенти, который в статье «Основоположник и знаменосец социалистической поэзии», опубликованной 14 апреля 1950 года в газете «Заря Востока», писал:

«В. Маяковского взрастили годы революционного подъема героического русского пролетариата. Его юношеское сознание формировалось под непосредственным воздействием великих социальных сдвигов начала нашего века. Будучи учеником Кутаисской гимназии, он был свидетелем самоотверженной борьбы грузинского народа на баррикадах первой русской революции. Возглавляемая молодым Сталиным, эта мужественная борьба трудящихся Грузии оказала определяющее влияние на формирование характера и общественных устремлений будущего поэта революции».

И дальше:

«В своем дореволюционном творчестве Маяковский ярче и сильнее, чем кто-либо из поэтов этого периода, выразил предчувствие приближавшейся революции, веру в торжество нового, свободного человека... Естественно, что победу Октябрьской революции Маяковский принял, как осуществленную мечту, и без всяких колебаний поставил свой талант на службу Советской республике».

Сразу же после 25 октября 1917 года Маяковский сказал: «Моя революция». Перед ним не возникло необходимости — «менять вехи», «ломать себя», «перестраиваться», «поворачиваться» лицом к революции. Он всю свою жизнь стоял лицом к ней, ждал ее, воспевал ее приход.

Развитие Маяковского шло не от «буржуазного декаданса» к «революционности». Будучи до революции революционным поэтом, он, после победы Октября, закономерно становится лучшим и талантливейшим поэтом советской эпохи. Движение Маяковского находилось в тесной связи с историческим движением страны и народа по пути, указанному Лениным и Сталиным.

В тяжелых условиях парского самодержавия молодой поэт использовал все возможности для выступлений со своим словом, атакующим твердыни буржуазного общества. Многое приходилось ему зашифровывать, многое маскировалось необычайной формой, словесной игрой, но, так или иначе, главное доходило до аудитории, к которой обращался Маяковский.

Конечно, его юное сознание пыталось отравить ядом «новейших теорий», вроде того, что «слова — цель писателя» и «не идея рождает слово, а слово рождает идею». Но разве заблуждения Маяковского оставили заметный след в его творчестве? Нет! Его здоровый организм быстро справлялся со всяческими микробами.

Вот почему мы не склонны превращать «футуристическую муху» в «футуристического слона», в «эпоху футуризма» и тем самым умалить истинный пафос творчества Маяковского.

Осуждая футуризм как антисоциальное явление, Горький еще в 1915 году резко выделил Маяковского из среды футуристов. Он расслышал подлинный голос поэта и протянул ему дружескую руку.

— Да какой он футурист. Он же настоящий реалист! — говорил тогда же о Маяковском познакомившийся с его стихами Репин.

Они не ошиблись!

«В упорном нежелании буржуазной критики выделить Маяковского из среды футуристов, — верно пишет Е. Наумов в своей книге «Семинарий по Маяковскому», — было стремление дискредитировать творчество Маяковского, замолчать все более резкие ноты социального протеста в его произведениях».

Цель, которую преследовала дореволюционная буржуазная критика, ясна и понятна. Тем более непонятно, почему иные наши исследователи повторяют зады буржуазной критики, почему они не отделяют решительно Маяковского от футуризма, а сближают его с ним.

Странно не видеть той пропасти, которая существовала между «футуристом» Маяковским и футуристами-декадентами, не видеть разницы между тем, какой смысл вкладывал Маяковский в слово «футуризм», и тем, что собой представлял футуризм всяческих кубистов и заумников, чье «творчество» было лишь гнилой буржуазной культурой.

Великая Октябрьская социалистическая революция окрылила Маяковского, вывела его на широкую и светлую дорогу.

Нам

дорога

указана Лениным,

все другие —

кривы и грязны,

— писал он.

Революция дала поэту возможность разговаривать открыто и прямо с широчайшей аудиторией — с народом. Она сделала его своим оружием в борьбе за коммунистическое обновление мира. Это-то и определяет сущность его послереволюционного поэтического движения.

Важнейший долг и первейшая обязанность нашей критики — обстоятельно проанализировать путь Маяковского и раскрыть перед советским народом и перед народами мира подлинные богатства наследия того, кто «был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», кто стал образцом и учителем для поэтов всех народов СССР и всех прогрессивных поэтов мира.

Выполнить этот долг и эту обязанность будет тем легче, чем быстрее и решительнее мы освободимся от ложных и вредных толкований творческого пути Владимира Маяковского. Именно к этому мы и зовем товарищей Ан. Тарасенкова, В. Новикова, Е. Усевич и других.